

Лилия НАЗАРЕНКО
(Прага)

Некоторые особенности языка российской политики

Some Specific Features of the Language of Russia's Politics

The sphere of politics always represents the struggle for power, and its victor, as a rule, has to master the art of verbal and other communication. The latest research demonstrated many times that the language of contemporary politics is a good example of permanent manipulation as a hidden impact of a certain group of individuals upon another, the falsification, masking or camouflage of reality reminding us of G. Orwell's newspeak. In contemporary Russia and Russian there are – according to the author of the present study - several types of such language means: 1. manipulative terms („persons of Causcasian nationality“ with purely negative connotations), 2. clichés („extremism“ – the shift of meaning towards „everything which is inimical to the ruling group“), 3. euphemisms (instead of a very unpopular word „reform“ the use of „transformation“, „improvement“, „innovation“ etc.), 4) political bilinguism (the normal language contra the language of politics as means of manipulations and falsifications), 5) „war of metaphors“ (e. g. the use of martial or sport terms in the sphere of politics).

Язык политиков является составной частью политической культуры общества. Слово - важнейшее орудие, с помощью которого политики воздействуют на граждан. Целью любой политической коммуникации является реализация определенных интересов и намерений политических субъектов.

Язык является инструментом политической пропаганды, контролирующей и формирующей общественное мнение.

Актуальным направлением современной лингвистики является дискурсивный подход к изучению вербальных продуктов политической коммуникации, то есть исследование каждого конкретного текста или речевого акта с учетом политической ситуации, в которой он создан, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе других политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

В политике важно не только то, о чем говорится, но и то, как об этом говорится. Например, о военной операции американских вооруженных сил в Ираке можно сказать, что это «операция по восстановлению демократии», но возможно и по-другому: «агрессия против суверенного государства». Использование различных языковых средств в интерпретации фактов создает возможность не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны. Политика – это всегда борьба за власть, и в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием. Исследования современного политического дискурса показали, что даже в условиях демократического общества постоянно происходит языковая манипуляция сознанием граждан. Под языковым манипулированием подразумевается скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру [Любимова 2005: 67].

Принципы языка политиков можно сравнить с принципами новояза (newspeak), который был представлен Дж. Оруэллом в его публицистических статьях и знаменитом романе «1984». К ним относятся: уменьшение словарного состава, уничтожение полисемии, стирание семантики слов, избыток политической фразеологии, клише и штампов, использование эвфемизмов. Этот новояз позволяет контролировать политическое поведение, манипулировать мышлением граждан. Исследователь теории новояза Дж. Оруэлла А. Л. Резников отмечает, что сегодня политический жаргон представляет собой ту область языка, которая в наибольшей степени приближается к новоязовской модели, и подчеркивает тот факт, что анализ речи политических деятелей должен находиться под пристальным вниманием лингвистов [Резников 2002: 76]. Поэтому в США еще в 70-х годах был создан комитет для борьбы против публичной демагогии - Committee on Public Doublespeak, который присуждает ежегодно две награды: одну за вклад в критический

Некоторые особенности языка

анализ общественного языка и вторую, ироническую награду – за наиболее противоречивые, уклончивые и вводящие в заблуждение высказывания.

Одним из наиболее действенных орудий политического языка являются манипулятивные термины (или ярлыки, стереотипы), которые представляют социальные объекты в упрощенном, схематизированном виде. Бесконечно повторяясь в речи политиков, а затем и в средствах массовой информации, манипулятивные термины становятся привычными, внедряются в сознание людей, насаждают массовые стереотипы. В качестве примера рассмотрим манипулятивный термин *лица кавказской национальности*, который используется по отношению ко всем представителям народов Кавказа, прибывших в Москву, в Россию. Этот квазиэтним имеет подобие официального термина по аналогии с наименованиями *юридические лица*, *физические лица*, *официальные лица* и под. Но это лишь видимость, так как кавказской национальности не существует, это выражение является безграмотным. Термин имеет уничижительный и оскорбительный характер, но псевдоофициальная форма служит ему своеобразным прикрытием. При этом не придается какого-то либо значения тому факту, что чеченцы, например, являются гражданами России, а азербайджанцы – жителями другого государства. Тем не менее, номинация «лица кавказской национальности» одинаково применяется к обеим группам и все они попадают под категорию «гости». В результате дагестанцы и чеченцы, которые являются гражданами России, оказываются пришельцами, незваными гостями в столице их государства. Тот факт, что многие русские граждане России считают жителей Чечни и Дагестана иностранцами, свидетельствует о высоком манипулятивном потенциале и эффективности данной стратегии. Примеры других манипулятивных терминов современного российского политического дискурса: *гости с юга*, *мигранты*, *нелегалы*, *чеченские бандиты*, *бандформирования*, *антиглобалисты*, *меньшинство*, *беженцы*, *приезжие*, *переселенцы*, *диаспора* и так далее. В этих номинациях преобладает отрицательный эмоционально-оценочный компонент семантики, который ориентирует на враждебность, неприятие, осуждение различных групп населения. Часто повторяющиеся термины и идеологемы способствуют выработке у общества определенной реакции на информацию. Постоянная фиксация внимания граждан на негативных чертах различных социальных групп приводит в скором времени к формированию устойчивого ассоциативного ряда и, как следствие, возникновению устойчивой реакции на внешне схожие события. Одна из особенностей человеческой психики такова, что, усваивая поступающую информацию, человек машинально отыскивает аналогии и «подгоняет» каждое новое сообщение под уже сформированные манипулятивные схемы [Торохова 2006]. Различные манипулятивные стратегии, приучающие к пользованию ярлыками и стереотипами, способствуют пассивности восприятия, упрощению процесса

мышления и особенно оценивания. Стереотипное восприятие фактов дает значительную экономию времени и усилий, так как используется уже сформированный банк терминов, несущих определенную эмоциональную нагрузку. Примечательно, что ряд стереотипов и манипулятивных идей могут использовать любые политические силы: например, «чиновники ничего не делают, только карман набивают», «политиками движет только собственный интерес», «это – экстремистское решение». Скажем, термин *экстремизм* сам по себе не имеет смысловой привязки к правым или левым политическим идеям, а означает приверженность в политике к крайним взглядам и мерам. В манипулятивных технологиях термин *экстремизм* используется исключительно как понятие, несущее негативные ассоциации. Сложность определения содержания терминов в политическом дискурсе оставляет возможность различного толкования их семантики.

Типичной чертой современного политического дискурса является использование клише и штампов. Практически в каждом публичном выступлении политика, в парламентских дебатах или программе политической партии мы встретим такие клишированные словосочетания, как *законодательно закрепить; фундаментальная составляющая; главный политический ресурс; политическая сила; вертикаль власти; политическое единство; политическая стабильность; диктатура закона; доверие народа; реальная политика; сохранение и развитие демократических процедур; необходимые кадровые перестановки; расклад* сил; выходить из-под контроля; способствовать развитию; государственная бюрократия; интересы народа; межнациональное общение; российская государственность; солидарное общество; размах коррупции; восстановление социальной справедливости; создание условий социальной безопасности; суверенитет и стабильность государства; создание системы доступного жилья; жесткая и непримиримая борьба с коррупцией; социальная поддержка со стороны государства; беззаконие чиновников* и так далее. Все эти слова и словосочетания в сознании обычного человека не имеют более или менее оформленного значения. В отличие от обычных слов, это некие идеологические условности. Они наполняются содержанием в зависимости от потребностей той или иной идеологической системы. Например, если мы слышим, что "миграционная политика должна быть направлена на защиту интересов граждан России на рынке труда", то разъяснение смысла выражения *защита интересов граждан России на рынке труда* у представителей партий "Единая Россия", КПРФ, "Союз правых сил" будет различным. Таким образом проявляется конъюнктурность штампа. В политических текстах наблюдается тенденция ослабления номинативной функции лексики и усиления ее оценочной функции. В результате частого употребления и сложности толкования ключевых слов политического дискурса происходит стирание их семантики, в сознании

Некоторые особенности языка

граждан они превращаются в словесный шум. В то же время законы массовой коммуникации требуют усредненно-обобщенного, стереотипизированного общения. Поэтому трансляция некоторой политической идеи на массовое сознание осуществляется посредством информационных и языковых стереотипов, которые вызывают соответствующие психологические и поведенческие стереотипы у реципиентов [Ольшанский 2001: 81].

В политическом дискурсе часто встречаемся с эвфемизацией или, другими словами, со словесным камуфляжем. Политические эвфемизмы маскируют истинный смысл явлений, представляют мир в более привлекательном свете, чем он есть. Наиболее актуальными темами для создания эвфемизмов являются война и непопулярные реформы. Политические элиты нуждаются в эвфемизмах, чтобы граждане легче мирились с их тяготами. Если, например, критикующая правительство пресса в конце 90-х годов XX века писала о бомбежке населенных пунктов в Чечне, то проправительственные средства массовой информации сообщали об этих же эпизодах как о поддержке федеральных сил с воздуха. Вместо *военные действия на территории населенных пунктов, убийство мирных жителей* используется *зачистка*, вместо *беженцы* из Чечни - *вынужденные переселенцы*, вместо *геноцид* – *этническая чистка*. Репрессивные действия власти – еще одна сфера эвфемизмов: *задержать* вместо *арестовать*, *высшая мера* вместо *смертная казнь*, *спецакция* вместо *уничтожение*. Исследователи политического дискурса говорят о возникновении своеобразной «политической диглоссии», когда имеется как бы два разных языка - язык официальной пропаганды и обычный язык.

С помощью эвфемизации часто камуфлируется содержание непопулярных экономических мер. Слова, которые вызывают в сознании общества негативные ассоциации, заменяются другими, часто синонимичными, но пока не имеющими отрицательной ауры. Так, у большинства российских граждан остро-негативные ассоциации вызывает слово *реформа*, когда оно звучит из уст представителей власти или политиков. Более того, слово *реформа* многих пугает. Это закономерно, так как подавляющее большинство населения России испытало на себе непомерную тяжесть реформ во время смены экономической формации после распада СССР. Рядовой гражданин, находясь под прицелом СМИ, задает себе вопрос: «Почему всюду говорят, что это реформа ЖКХ, а на самом деле - поднятие тарифов?» Поэтому в политическом дискурсе вместо *реформа жилищно-коммунального хозяйства* используется *преобразование жилищно-коммунального хозяйства*, вместо *реформа пенсионной системы* – *совершенствование пенсионной системы*, вместо *сокращение расходов в медицинских учреждениях* – *оптимизация расходов в медицинских учреждениях*.

Одной из заметных характеристик политического дискурса является высокая степень метафорической насыщенности любого жанра политической коммуникации, будь то парламентские или предвыборные дебаты, официальные выступления, интервью и т.д. Не случайно некоторые лингвисты говорят о том, что в современном обществе политика как «война за власть» вступила в новую фазу, которую они называют «войной метафор» [Баранов, Караулов 1994]. Основная цель агитационно-политической речи - это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира. Метафорическая модель является важнейшим средством такой переконцептуализации. Исследователь процесса метафоризации Дж. Лакофф [1991] справедливо подчеркивает, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием.

Система метафорических моделей - это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

Среди метафорических моделей русского политического дискурса самыми распространенными являются модели «политика – это война», «политика – это театр», «политика – это состязание». Широкое использование военной метафоры характерно для современного парламентского речевого обихода. В выступлениях депутатов, государственных деятелей постоянно встречаются следующие метафорические обороты: *атака на демократию, находиться под огнем критики, выйти из окопов, работать на два фронта, война законов, капитуляция перед консерваторами, крестовый поход против бюрократии, призвать под знамена демократии, торпедировать объективные экономические законы, открытая диверсия, информационная блокада* и т. д. Милитарные метафоры представляют политику как жесткую борьбу, подчеркивают наступательность политических действий, мобилизацию всех политических сил и средств. Победа в войне видится самой высокой наградой, а поражение - крахом надежд. Употребление военной лексики в переносном значении обусловлено, прежде всего, напряженностью политических отношений, стремлением политического субъекта занять ведущие позиции, овладеть ситуацией, достичь своих амбициозных целей. Чрезмерный «метафорический милитаризм» оказывает воздействие на массовое сознание и ориентирует скорее на борьбу и конфронтацию, чем на поиски согласия.

Политическая жизнь в современной России часто метафорически осмысливается как зрелищное представление различных видов и жанров. Метафорическая модель «политика – это театр, игра» акцентирует не жесткое противоборство, а лицедейство участников политической жизни, наличие тайных

Некоторые особенности языка

режиссеров и сценаристов в политической жизни страны, лживость предвыборных обещаний. Например: «Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль - в полном разгаре. Артисты, то есть кандидаты всех мастей, сбиваются в труппы, ездят по всей стране, гастролируют; Региональные выборы носят характер репетиций накануне всероссийских». Театр как понятная сфера создает широкие возможности для реализации эмоционального заряда метафоры. Этому способствует структурированность театрального мира как модели для метафоры, достаточно широкое представление о нем большинства носителей языка и, наконец, естественный интерес людей к зрелищным искусствам. В соответствии с моделью «политика – это театр» политические актеры играют свои роли на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров. Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, имитации реальности, создания специального политического имиджа.

Политические предвыборные кампании часто метафорически представляются как спортивное состязание - забег на длинную дистанцию. Каждый участник должен правильно распределить силы, ему приходится преодолевать барьеры, у каждого есть своя группа поддержки, судейская коллегия следит за соблюдением правил и может снять нарушителя с дистанции. Например: Соотношение сил на старте предвыборного марафона особенных сенсаций не обещает. Кандидат возглавил список фаворитов предвыборной гонки.

Примером эффективного использования метафорического манипулирования может служить обсуждение во второй половине 90-х годов XX века вопроса о целесообразности отделения Чечни от Российской Федерации. Противники отделения активно использовали следующие метафорические аргументы: Россия – это единый организм, Россия – это единая семья, Россия – это общий дом для всех граждан (наций, регионов). Традиционный путь развития этой метафоры – нежелательность и даже невозможность разделения дома, который был построен совместными усилиями и рассчитан на совместное проживание. Подобные метафоры могут оказать воздействие на адресата, который не всегда задумывается о том, что метафора только концептуально связывает государство и живой организм, что для государства отделение какой-то его части может быть не столь вредоносным, как ампутация какого-то органа у человека. Россия лишь метафорически может представляться единым домом для всех народов, и отделение какого-то региона не обязательно принесет вред всей конструкции. Сторонники отделения Чечни видели развитие метафор единого организма, семьи и дома иначе. Например, говорили о том, что иногда для спасения организма необходимо ампутировать зараженный гангреной орган, что братьям иногда имеет

смысл разъехаться, а супругам, если "супружество им было мукой", лучше разойтись.

Политические технологии манипулирования человеческим сознанием посредством языка все больше интересуют исследователей, занимающихся дискурсе-анализом, политологическими и лингвистическим исследованиями. С античных времен до наших дней язык власти привлекал внимание и был предметом обсуждения и систематического исследования. Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели успехов власти во многом носят вербальный характер. Язык не только репрезентирует политику, он сам есть политика. То, что язык политики является составной частью, способом выражения политической культуры общества, сегодня стало очевидно.

Значение языковых политических символов не выводимо при этом из лексического содержания слов и предложений; оно задается конкретной политической ситуацией. Целью же любой политической коммуникации является проведение определенных интересов и намерений. Политика, ее институты и процессы не существуют безотносительно к языку и языковым процессам в обществе. Напротив, язык самым существенным образом входит в состав политики и политических процессов. В то же время и сам язык в той или иной степени испытывает на себе влияние политики. Интерпретация становится очень важным фактором воздействия как способ осуществления власти.

Использованная литература:

Баранов, Караулов 1994: Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н.: Словарь русских политических метафор. Москва, 1994.

Любимова 2004: Любимова, А.: Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации. In: Вопросы интерпретации текста. Лингвистика и история литературы. Москва, МАКС Пресс, 2004, с. 66–78.

Ольшанский 2001: Ольшанский, Д. В.: Основы политической психологии. Москва, 2001.

Резников 2002: Резников, А. Л.: Теория языка Дж. Оруэлла. Петрозаводск, 2002.

Торохова 2006: Торохова, М.: Манипулятивные стратегии СМИ в условиях «войны с международным терроризмом» In: http://www.war-online.org/write/about_terminology.html 05. 08. 2006